

Перед тем как Сяо Хэн вошел в комнату, Цзин Бай все размышлял о поведенческих паттернах Белого нефрита.

В том испытательном инстансе с куклой Белый нефрит не только успокаивал его в моменты раздражения, но и начинал нагреваться, подгоняя, когда у Цзин Бая не было партнера для танца. Сейчас, оглядываясь назад, он понимал: это было нужно лишь для того, чтобы он соблюдал правила инстанса и выжил.

Однако в этот раз правила требовали заселяться по двое. Даже если бы Цзин Бай избавился от Сяо Хэна, он мог бы объединиться с Юй Юэ. Но Белый нефрит помешал ему оставить Сяо Хэна. Почему? Потому что у того самый низкий уровень загрязнения?

Цзин Бай не мог до конца понять замысел Белого нефрита, но, доверившись ему, все же выбрал Сяо Хэна.

Мальчик вошел следом за ним. Цзин Бай сидел на стуле, скрестив руки на груди, и холодно наблюдал за ним. Сяо Хэн словно не замечал этого взгляда. Казалось, он был послушным ребенком: войдя, он прилежно закрыл дверь, не забыв при этом задвинуть деревянный засов.

Вот только он был еще мал — ростом даже ниже засова, поэтому, встав на цыпочки, возился с ним довольно долго и тяжело. Цзин Бай и не подумал помочь, пока Сяо Хэн не справился и не обернулся, встретившись с ним взглядом.

Справедливости ради, Сяо Хэн был очень красивым мальчиком. Утонченные черты лица, большие черные глаза, похожие на виноградины, и высокий нос, который добавлял его облику капельку серьезности. Даже молча он выглядел очаровательно, но это кукольное личико ничуть не трогало Цзин Бая.

На красивом лице мужчины появилась ледяная улыбка:

— Почему ты так настаивал на том, чтобы жить со мной?

Сяо Хэн медленно моргнул своими черными глазенками и наконец ответил:

— Ты опасен.

— И это ты называешь причиной? — улыбка Цзин Бая стала шире, а взгляд — еще холоднее. Любой другой ребенок на его месте уже всю бы рыдал от страха, но Сяо Хэн даже не дрогнул, оставаясь таким же невинным и спокойным.

Он ответил тонким детским голоском:

— Мне нравятся опасные люди.

Цзин Бай поднялся со стула и шаг за шагом подошел к мальчику. Несмотря на свою привлекательность, он никогда не обладал располагающей к себе аурой. Когда он приближался, свеча за его спиной оставалась единственным источником света в комнате.

Цзин Бай шел против света, его лицо не выражало никаких эмоций, он больше не скрывал исходящую от него пугающую ауру, от которой хотелось держаться подальше. Он выглядел пугающе равнодушным, но Сяо Хэн лишь стоял на месте, слегка запрокинув голову.

Цзин Бай подошел вплотную, протянул руку над головой мальчика и небрежно задвинул засов, который тот не до конца закрыл. Малыш смотрел на него своими черными, как виноград, глазами.

Цзин Бай уже понял: этот ребенок любит молча наблюдать за людьми. Не самая лучшая привычка — даже самый миловидный ребенок при таком поведении кажется жутковатым.

Впрочем, Цзин Бая это не волновало. Он присел на корточки, ущипнул мальчика за пухлую щеку, и на его холодном лице впервые промелькнуло любопытство:

— Ты довольно интересный. А я люблю интересных людей.

Сказав это, он направился к окну, чтобы закрыть его, оставив Сяо Хэна стоять на месте. Тот проводил взглядом высокую фигуру и задумчиво коснулся пальцами щеки, которую только что ущипнули.

Вскоре после того, как они вошли, стемнело. Похоже, по ночам здесь дул сильный ветер: даже когда Цзин Бай плотно закрыл окно, он все равно слышал за ним пронзительный вой.

В гостевой комнате была всего одна кровать, и Сяо Хэн забрался на нее первым. Цзин Бай был не против поспать с ребенком. Он как раз собрался снять верхнюю одежду, как вдруг снаружи раздался стук в дверь.

Посреди ночи? Кто-то ходит по гостям?

Цзин Бай промолчал и подошел к двери, прислушиваясь к тому, что происходит снаружи. Человек, постучавший в дверь, не дождавшись ответа, постучал еще трижды. На этот раз стук стал тяжелее и настойчивее, массивная деревянная дверь начала дрожать.

Краем глаза Цзин Бай заметил, что Сяо Хэн, уже было легший спать, сел на кровати и с серьезным выражением лица уставился на дверь.

Цзин Бай положил руку на засов. Он оглянулся на Сяо Хэна. Тот, не сводя глаз с двери, сначала кивнул ему, а затем покачал головой.

Цзин Бая осенило. Не дожидаясь, пока постучат снова, он снял засов и распахнул дверь.

Перед каждой комнатой висело всего по два фонаря, поэтому в ночное время коридор казался еще темнее. В этом тусклом красноватом свете стоявшая за дверью сухопарая старуха выглядела совсем неприметно.

Старуха была невысокой, сгорбленной, одетой в опрятную хлопковую одежду. На ней были все полагающиеся украшения, а на голове — черная повязка с вышивкой. У нее было вытянутое лицо, редкие брови, узкие длинные глаза и высокие скулы, а дополнял все это широкий тонкий рот. Лицо выглядело довольно злобным, однако на нем играла совершенно неуместная, подобострастная улыбка.

Она растянула губы в улыбке и протянула поднос, на котором стояли две чашки с синим узором на белом фоне:

— Гости приехали издалека, вы, должно быть, устали. Я специально попросила Сюфэн приготовить чай из зимней дыни, пожалуйста, угощайтесь.

Цзин Бай, придерживая дверь, невозмутимо огляделся. Двери соседних комнат были плотно закрыты, из них не доносилось ни звука.

Когда он вернул взгляд к старухе, та все так же настойчиво протягивала поднос:

— Дорогие гости, прошу, выпейте. Этот чай из зимней дыни прекрасно утоляет жажду, охлаждает и снимает жар...

Цзин Бай остался непреклонен и обернулся к Сяо Хэну:

— Я не буду. Ты хочешь?

Мальчик покачал головой. Улыбка старухи стала какой-то застывшей. Цзин Бай, словно не замечая этого, прямо сказал:

— Он тоже не будет. Больше ничего не нужно, спасибо.

Услышав отказ, старуха изменилась в лице — выражение стало пугающим. В ее глубоких глазницах глаза расширились до предела, белки были залиты кровью. Хотя уголки рта все еще были растянуты в улыбке, голос стал хриплым:

— Выпейте! Выпейте же! Мой чай из зимней дыни такой вкусный!

Она, казалось, не знала усталости: ее похожие на куриные лапы руки мертвой хваткой вцепились в поднос, а голова с силой рвалась вперед, словно она пыталась вломиться в комнату!

Цзин Бай и так был настороже, дверь была приоткрыта лишь слегка, поэтому, увидев это, он тут же попытался ее захлопнуть. Но сгорбленная старуха подперла дверь подносом, и, несмотря на все усилия Цзин Бая, он не мог ее закрыть.

В этой борьбе старуха постепенно переставала походить на человека: от ее тела исходил жуткий звук шипящего плавящегося мяса, кожа посинела, лицо начало съеживаться, обнажая белые зубы.

— Выпейте, выпейте! Не тратьте добро, это лучший чай из зимней дыни!

Цзин Бай подумал: кто вообще станет пить эту гадость? Гнев закипел в нем, он уперся плечом в дверь, изо всех сил сопротивляясь чудовищной силе. Сяо Хэн тоже спрыгнул с кровати и прибежал помогать.

Мальчик был маленьким, но очень сильным. Когда он присоединился, Цзин Баю стало намного легче, и старуха начала проигрывать. В тот момент, когда засов наконец щелкнул, Цзин Бай услышал пронзительный визг, совсем не похожий на человеческий, а затем за дверью снова воцарилась мертвая тишина.

Оба выдохнули. Цзин Бай посмотрел на Сяо Хэна и с любопытством спросил:

— А ты сильный.

Это было не похоже на силу обычного ребенка.

Сяо Хэн поднял личико, его большие глаза заблестели:

— Ты тоже.

Цзин Бай усмехнулся. Он не знал, был ли это первый инстанс Сяо Хэна, но раз тот выжил в испытательном инстансе и оказался здесь как человек с самым низким уровнем загрязнения, значит, у него были свои козыри. Вспомнив подсказку, которую мальчик дал ему перед тем, как открыть дверь, даже такой человек, как Цзин Бай, невольно заинтересовался.

— Давай поговорим, — внезапно сказал Цзин Бай. — Тот чай из зимней дыни... почему ты знал, что его нельзя пить?

Сяо Хэн не ответил, словно не понял вопроса. Цзин Бай посмотрел в его спокойные, как омут, глаза, пожал плечами и улыбнулся:

— Не хочешь — как хочешь. Но сегодняшний вечер я запомню.

На лице Сяо Хэна промелькнула едва заметная тень. Помолчав, он наконец произнес:

— Я ничего не говорил. Ты сам догадался.

Перед тем как открыть дверь, из осторожности он не стал предупреждать словами, а лишь намекнул жестами. Понял Цзин Бай или нет — они были квиты.

Цзин Бая совершенно не задело его поведение. Он махнул рукой и направился к кровати. В этот момент мальчик за его спиной тихо проговорил:

— Перед тем как я вошел в комнату, Сюфэн сказала мне...

В тот момент в коридоре оставался только он один. Сяо Хэн уже собирался войти, но Сюфэн внезапно наклонилась к его уху и прошептала: «Ты послушный ребенок, не ешь по ночам что попало».

Сначала Сяо Хэн не понял смысла, просто кивнул, а войдя в комнату, обнаружил, что еды там нет. Лишь услышав стук в дверь, он догадался, что именно имела в виду Сюфэн.

Вспомнив события, предшествовавшие тому, как Сюфэн проводила их в комнату, нетрудно было догадаться, что «старуха-мать», о которой она говорила, — это и есть та самая гостья. «Старуха-мать» явно была уже не жива. А почему покойница должна праздновать свое семидесятилетие?

И была ли жива сама Сюфэн, готовящая чай из зимней дыни?

Загадок было слишком много, и за одну ночь их не разгадать. Цзин Бай просто задул масляную лампу, освещавшую комнату, и сказал:

— Спи. Завтра разберемся.

Сяо Хэн отозвался, и они больше не проронили ни слова, каждый лег на свою сторону кровати.

Цзин Бай думал, что ему будет неуютно спать с кем-то в одной постели, но, возможно, из-за того, что Сяо Хэн был ребенком, его дыхание было таким легким, что рядом с ним он почти не чувствовал присутствия другого человека. В комнате стояла кромешная тьма, и он быстро уснул.

В полудреме Цзин Баю смутно почудился какой-то стук.

Звук то приближался, то удалялся, но был очень ритмичным. Когда он становился ближе, казалось, что он раздаётся прямо у него над ухом. В этот раз Цзин Бай наконец открыл глаза, убедившись, что это не галлюцинация.

До рассвета было еще далеко, в комнате стояла такая темень, что не было видно даже лунного света. Цзин Бай затаил дыхание, прислушиваясь.

Тук, тук, тук.

Похоже, это не удар, а звук... чего-то режущего.

Кто это может быть? Сюфэн? Ее старуха-мать? Или двое мужчин, которые еще не появлялись в этом доме?

Несколько вариантов прокручивались в голове Цзин Бая, как вдруг зазвучала тихая песня, позволившая ему определить источник звука.

Это был голос молодой женщины, очень знакомый — Сюфэн.

Ее мелодия звучала скорбно и печально, голос был полон слез и жалоб, очень призрачный. Слова, казалось, были на каком-то диалекте, Цзин Бай не мог разобрать их отчетливо. Он улавливал лишь отдельные фразы, не понимая, о чем именно она поет.

— Курица... кричит, быть... женой так трудно. Рано... говорят... глаза... сухие, вхожу в кухню...

Тук, тук, тук.

Чем дольше он слушал, тем больше это было похоже на звук рубки на разделочной доске. Может, Сюфэн готовит еду на завтра?

Противостояние со старухой отняло у Цзин Бая много сил, и от усталости он почти снова провалился в сон. Но в тот момент, когда сознание уже готово было погрузиться в небытие, одна мысль, подобно молнии, пронзила его разум, заставив резко проснуться.

В их дворе было всего несколько гостевых комнат, отдельной кухни не было вовсе!

Если Сюфэн готовит на кухне, как звук разделочной доски может доноситься досюда?

Если это не рубка на доске, то что же... что же она режет?

<http://bllate.org/book/21799/2255663>